

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	5
КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ	9
СОРОКА ГОДАМИ РАНЕЕ	19
НАШИ ПЕРВЫЕ НАХОДКИ	29
Язык косаток	53
Зеленый мыс	73
Люди и косатки	93
Карагинский квест	115
Нечеловеческий интеллект	145
Бухта Полуденная, XXI век	173
Единственный в мире белый самец косатки	197
Не только косатки	209
На перекрестке косаточьих дорог	231
Разбудите меня, когда подует северо-западный ветер	253

В ПОИСКАХ КРИТИЧЕСКИХ МЕСТООБИТАНИЙ	267
ПОСМОТРЕТЬ В ГЛАЗА КОСАТКЕ	295
НА МАГАДАН	313
ХРОНИКИ НАРНИИ	331
САМОЕ БОЛЬШОЕ В МИРЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ ЩЕБНЯ ...	361
КИТОВАЯ ТЮРЬМА, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО	399
ЭПИЛОГ	453
ПРИМЕЧАНИЯ	462
ОБ АВТОРЕ	463

ПРОЛОГ

Повсюду, сколько хватает глаз, выныривают косатки. Можно повернуться в любом направлении, досчитать до десяти, и за это время на поверхности непременно появятся черные треугольнички плавников. Они движутся в разные стороны, то быстрее, явно торопясь занырнуть, то медленнее, отдыхая после активной погони. Здесь их не меньше сотни, и все они пришли сюда, в мелководную бухту Грюндарфьордур на западном побережье Исландии, с одной и той же целью: наестся сельди. Сельдь заходит в исландские фьорды на зимовку, чтобы переждать долгие холодные и голодные месяцы с минимумом затрат энергии, не борясь с океаническими течениями, в спокойной, тихой бухте. Это отличная стратегия, которая оправдывала себя миллионы лет — ровно до тех пор, пока о ней не прознали хитроумные косатки.

Сельдь — относительно мелкая рыбка, чуть больше 30 сантиметров длиной; казалось бы, это не слишком подходящая добыча для огромного морского хищника. Но у этой рыбки есть два преимущества: во-первых, сельдь держится огромными стаями, а во-вторых, она очень жирная, а косатки любят жирную пищу. Чтобы не гоняться за рыбешкой весь день напролет, эти хитрецы придумали особую

уловку — они заплывают в косяк сельди и резко бьют хвостом, издавая под водой громкий хлопок. Этот мощный звук оглушает всю рыбу, оказавшуюся поблизости, и сельдки всплывают на поверхность, дезориентированные и совершенно беззащитные перед хищниками, которые спокойно собирают их одну за другой, как ягоды земляники.

С борта нашей лодки — шестиметрового оранжевого РИБа* под названием «Танго» — в воду свисает провод. На конце его, скрытый толщей мутной воды, покачивается гидрофон — подводный микрофон, который записывает звуки косаток. Во время охоты они постоянно вокализируют, и мои наушники вибрируют от их пронзительных криков — не таких, как те, к которым я привыкла на Камчатке, и все-таки очень похожих на них. Лишь один звук явно выбивается из общего ряда — это так называемый «загонный крик», который косатки издают непосредственно перед ударом хвоста, когда глушат сельдь. Он очень долгий и монотонный, больше похожий на какой-то механический звук, и характерен именно для исландских косаток — даже их норвежские сородичи, которые тоже охотятся на сельдь и глушат ее хвостами, «загонный крик» не используют.

Пока мы слушаем звуки, одна группа косаток решительно движется мимо нас — похоже, они уже наелись и собрались на выход. Внутри фьорда животные смешиваются, и разобраться, кто с кем, совершенно невозможно, но приходят и уходят они организованными группами, и это дает шанс исследовать их социальные связи. Мы вытягиваем из воды гидрофон и пускаемся в погоню. Догнав удаляющихся косаток, наша лодка заходит так, чтобы сфотографировать

* От английского *Rigid Inflatable Boat* — надувная лодка с жестким неразборным дном.

их с левого бока. Когда-то канадские исследователи, создавая свой каталог, выбрали именно такие фотографии — потому что их было больше, и вот 40 лет спустя мы продолжаем следовать традиции. Косатки выходят синхронно, демонстрируя нам свои графичные профили, и фотоаппарат щелкает очередями, торопясь запечатлеть эту красоту и самое главное в ней для нас — форму седловидного пятна и спинного плавника, царапины и шрамы, по которым мы различаем животных.

Через несколько серий выныриваний я замечаю нечто странное. Одна самка выходит впереди остальных, и мне начинает казаться, что перед ее головой в воде что-то есть. Присматриваюсь внимательнее — и действительно, каждый раз, когда она выныривает, поверхность воды перед ней прорезает не крупный темный предмет. Совсем небольшой по сравнению с взрослой косаткой. Она толкает его вперед снова и снова, будто бы не в силах расстаться с ним. Она действительно не в силах, ведь этот предмет — ее мертвый ребенок.

Мы идем параллельно группе на достаточном расстоянии, чтобы не беспокоить косаток своим назойливым присутствием. Группа догоняет осиротевшую мать, и вот она уже выныривает среди своих, но с прежним упорством продолжает толкать перед собой трупик детеныша. Остальные не обращают на нее внимания. Как давно самка делает это, если члены группы уже воспринимают ее поведение как нечто само собой разумеющееся? Когда она ела в последний раз, если не может оставить мертвого малыша даже на минуту?

Мы выходим за мыс, укрывающий бухту от порывов ветра, и лодка бьется о выросшие волны, которые обрушивают на нас тучи соленых брызг. В этот момент налетает снежный

заряд, густыми хлопьями скрывая не такой уж далекий берег, и мы оказываемся посреди взрытого ветром свинцового моря и вихря из летящего в лицо колючего снега. Косатки уходят, нам пора возвращаться. Пока мы пробиваемся назад, прыгая с волны на волну, я думаю о матери-косатке, все еще несущей перед собой своего мертвого ребенка.

Это далеко не первый случай, когда самка китообразного не может расстаться с телом погибшего детеныша. Джованни Беарци с соавторами опубликовали обзор, в котором перечислено несколько десятков таких случаев, описанных в научной литературе с 1970 по 2016 год. Чаще всего за этим замечали представителей семейства дельфиновых, к которому относится и косатка. Уже после этой публикации, в 2018 году, в водах южнее острова Ванкувер наблюдался еще один такой случай, попавший в колонки мировых новостей, — самка косатки по имени Тэлекуа носила своего мертвого детеныша в течение 17 дней. Что они испытывают при этом, что движет ими — инстинкт или материнское горе? Раньше ответ на этот вопрос был однозначным — подобное поведение у человека интерпретировали как проявление нашего богатого внутреннего мира и развитой психики, а у животных — как результат бездумного следования инстинктам. Но исследования последних десятков лет показали, что пропасть между психикой человека и психикой животных гораздо меньше, чем кажется, а порой это вовсе и не пропасть, а так — небольшой зазор. И в первую очередь это относится к таким животным, как косатки, — далеким от нас эволюционно и по образу жизни, но близким по интеллекту и социальности.

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Подобно астрономам, исследующим небеса в поисках неоткрытых звезд, они осматривают мерцающую водную гладь в надежде заметить треугольные спинные плавники. Это занятие и захватывает, и приносит разочарования.

Диана Рейс. «Дельфин в зеркале»
(DOLPHIN IN THE MIRROR)

Черный плавник, взрезающий поверхность воды, — образ, близкий каждому, кто занимается изучением китообразных. Мы редко видим объекты своих исследований целиком — только когда они совершают акробатические прыжки или подходят к лодке так близко, что удастся разглядеть их сквозь воду. Поэтому косатки для нас — это прежде всего черные треугольники спинных плавников. Они мелькают на фотографиях, стоят перед глазами после длинного рабочего дня и снятся по ночам.

Работа ученого-китоведа мало похожа на романтические фантазии, которыми окружают эту профессию журналисты и создатели фильмов о дикой природе. Долгие дни на воде

и томительное ожидание погоды на берегу, пробирающий до костей холод и слепящее до головной боли солнце, часы и дни безуспешных поисков и непреходящее ощущение, что ты постоянно упускаешь что-то важное в наблюдениях, — вот из чего складывается ежедневный труд исследователя китов. Лишь изредка рутину скрашивает ни с чем не сравнимая радость маленьких открытий, познания того, что никто до тебя еще не видел и не описал.

Те, кто с детства мечтает о китах, редко становятся учеными. В лучшем случае они вырастают в ветеринаров или тренеров дельфинов, а чаще всего просто растворяются в мирской суете и лишь изредка с ностальгией вспоминают о былом увлечении. Большинство известных мне китоведов пришли в эту профессию через что-то еще. Так было и со мной.

У меня никогда, вплоть до самой первой встречи, не было особой тяги к косаткам, а детским увлечением были представители семейства собачьих — волки, шакалы, койоты, гиеновые собаки и все остальные. Эта склонность привела меня на рубеже веков на остров Медный в составе экспедиции МГУ им. Ломоносова, занимавшейся изучением редкого медновского подвида песка.

На Медном нет постоянных жителей, и песцы там почти не боятся людей — за ними можно наблюдать буквально на расстоянии вытянутой руки, а особо назойливых приходится даже отгонять вежливыми пинками, чтобы они из природного любопытства не прокусили наблюдателям сапоги. Песцов там немного — всего около сотни, и почти каждый из них носит в ухе специальную метку, по которой можно определить, где он родился, когда создал семью, и проследить прочие интимные подробности его жизни.

На Медном и произошла моя первая встреча с косатками. Точнее, встречей это назвать сложно — косатки даже

не подозревали о моем присутствии, а для меня они были маленькими черными треугольничками в окуляре бинокля. Мне подумалось тогда: как, должно быть, сложно изучать этих животных, таких трудноуловимых в бескрайних морских просторах. В жизни вообще часто бывает, что кажущееся сложным оказывается простым, а неподвижные сложности возникают, казалось бы, на пустом месте.

Основная проблема при работе на Медном, как и в других удаленных точках нашей страны, — это транспорт. Рейсового сообщения там нет, а средствами для аренды судна или тем более вертолета наша экспедиция не располагала. Чтобы добраться до Медного и выбраться с него, приходилось ненавязчиво «садиться на хвост» представителям другой, более богатой экспедиции, занимавшейся изучением сивучей. Но и у них порой случались накладки, связанные с другой основной проблемой работы на Медном — погодой.

Нас должны были забрать с острова вертолетом в начале августа. Но, как назло, погода, нередко баловавшая нас солншком в июле, в августе надолго испортилась: Медный накрыло туманом. Дважды в сутки наши коллеги расчехляли старенькую коротковолновую рацию лишь для того, чтобы получить очередной «отбой». Только три недели спустя мы наконец услышали долгожданное гудение винтов. В Петропавловске-Камчатском мы оказались в двадцатых числах августа, и эта задержка послужила причиной смены моей научной ориентации, поскольку в те дни как раз проходила подготовка экспедиции по изучению косаток в Авачинском заливе, и в нее требовались волонтеры.

Идея исследования косаток в России возникла за несколько лет до этого во время исторической встречи трех «родителей» проекта — американско-канадско-британского писателя Эриха Хойта, российского ученого Александра

Бурдина и японской любительницы китов Харуко Сато. Но тогда я ничего об этом не знала. С Александром Михайловичем мы были едва знакомы, с Харуко, на американский манер сокращавшей свое имя до Хэл, мы впервые встретились за несколько дней до старта экспедиции, а с Эрихом познакомились лишь два года спустя.

Кроме Бурдина и Хэл, в экспедиции принимала участие моя однокурсница Карина, специально выписанная для этой цели из Москвы. В отличие от меня, она всегда хотела заниматься китообразными и успела уже сделать курсовую работу по поведению белух в московском дельфинарии. Вторым волонтером поехал студент Сергей, который вместе со мной только что вернулся из медновской песцовой экспедиции. «Драйвером», т.е. водителем лодки, стал сотрудник Камчатрыбвода Николай Павлов — жизнерадостный охотовед, неутомимый турист, душа любой компании, впоследствии не раз помогавший нам в наших китологических изысканиях.

Через пару недель, проведенных в сборах и приготовлениях, мы высадились на маленьком, засиженном чайками островке, расположенном чуть южнее ворот в Авачинскую губу. Сейчас этот остров стал весьма популярен, и в разгар сезона его акватория буквально кишит катерами и ботами с жаждущими приобщиться к природе туристами, а в те годы редкими посетителями были лишь бичеватые рыбаки на моторных лодках, базировавшиеся в бухте напротив.

Мы заселились в полусгнившую хибару, неизвестно кем, когда и для чего построенную. Возможно, ее происхождение было связано с автоматическим маяком на вершине острова, поскольку от него к хибаре сквозь травяные джунгли и непролазные заросли ольхи тянулись какие-то полусасыпанные землей кабели. Сейчас там стоит новый современный

маяк, работающий на солнечных батареях, а в те годы в центре острова располагался РИТЭГ — радиоизотопный термоэлектрический генератор. В советское время РИТЭГи широко использовались для питания автоматических маяков, но из-за возможности радиоактивного загрязнения были довольно опасны. Мы старались обходить его стороной.

Остров называется Стáричков в честь птиц-стáриков, которые гнездятся на обрывистых склонах. Но самые заметные его обитатели — тихоокеанские чайки, заполняющие все акустическое пространство пронзительными склочными криками, а также деловитые топорки с огромными яркими клювами. Топорки кружат над островом, как пчелы над ульем; в полете каждый из них выглядит так, будто спешит по какому-то очень важному делу, но, если проследить за птицей взглядом, нередко выясняется, что она просто летает кругами.

Стариков днем не увидишь — они либо в море, либо тихо сидят на гнездах, зато в сумерках у них начинается веселье. Их колония располагалась как раз над нашим жилищем, и по вечерам казалось, что там происходит какой-то гномий праздник: невидимые в темноте существа шуршали, шумели, переговаривались, перелетали туда-сюда. А в конце июля у них начинался сход птенцов. Птенцы стариков сходят на воду вскоре после вылупления, ночью, чтобы не попасть на зуб (точнее, в клюв) прожорливым чайкам. Происходит это так: родители слетают на воду и начинают звать птенца звонкими чирикающими свистами, и он бежит на зов, непрерывно отвечая им, чтобы не потеряться. Время от времени птенцы по ошибке забегали в нашу хибару, и мы бережно относили их к воде.

Вершина острова Старичков почти плоская и покрыта травой в человеческий рост, процветающей на отходах

жизнедеятельности бесчисленных чаек. Но добраться до вершины не так-то просто — приходится лезть по крутому склону, да еще вызывая этим активное неодобрение птичьего населения. Топорки в целом довольно безобидны — максимум могут с перепугу упасть на голову, от неожиданности неловко стартанув в воздух. Зато чайки — настоящая напасть: они с возмущенными криками кружатся над тяжело пыхтящим, с трудом карабкающимся по склону человеком, стараются нагадить ему на голову, а особо агрессивные могут даже ударить клювом в макушку.

На следующий день после заброски мы впервые залезли на вершину и выбрали наблюдательную точку на мысу. Смотрит он ровно на восток, но Сергей, решительно взявший на себя руководство наземными наблюдениями, назвал его «мыс Северный». С него наблюдатели должны были в бинокль обозревать акваторию и по радиации сообщать лодочной команде о появлении косаток. Команда эта, в которую входили Хэл, Бурдин, Коля и кто-то из студентов, обшаривала окрестные бухты или просто болталась в море, ожидая сигнала сверху.

Болтанка в дрейфе оказалась нелегким испытанием для сухопутных студентов, и привычные к качке морские волки поглядывали на нас с легким сочувствием и брезгливостью. В итоге меня стали брать в лодку чаще, чем Карину, так как меня меньше укачивало — возможно, потому что у меня за плечами было уже два морских перехода с Камчатки до Медного. Во время первого из них я сутки не вылезала из койки, и, когда мы наконец встали под берегом острова — стылой громады из заснеженных скал, мне так хотелось на сушу, что даже необходимость карабкаться по этим скалам с огромным рюкзаком на горбу не слишком смущала. Из-за сильного наката мы не смогли тогда высадиться там, где

обычно, — под удобной деревянной лестницей, ведущей на 70 метров вверх от уреза воды к домикам, и нам пришлось штурмовать трехсотметровые скалы с противоположного берега, но по сравнению с морской качкой это показалось мне приятной прогулкой. Год спустя тот же морской переход дался уже значительно легче и послужил неплохой тренировкой вестибулярного аппарата перед косаточьей экспедицией.

Седьмого сентября нам наконец улыбнулась удача. Сначала Сергей с Мариной сообщили сверху, что наблюдают косаток, идущих от мыса Опасного к нашему острову. Наконец-то я увижу их вблизи! Лодка запрыгала с волны на волну, неторопливо, как мне тогда казалось, продвигаясь в сторону предполагаемого местоположения группы. Пройдя немного в сторону Опасного, мы снова вызвали по рации наблюдателей:

— Боцман-семь — Боцману-восемь! Где косатки?

Позывные «Боцман» принадлежали Камчатрыбводу, и Коля Павлов предложил их использовать в нашей экспедиции, чтобы у прослушивающих эфир пограничников не возникало лишних вопросов.

— Боцман-восемь — Боцману-семь! Косатки уже прошли мимо вас, они сейчас между вами и островом!

Мы развернулись и помчали обратно. Несколько напряженных минут, когда мы не отрывали взгляда от горизонта и в то же время старались не выпасть из лодки, и вот наконец долгожданный черный плавник мелькнул между волн. Взревел мотор, и мы понеслись вперед. Плавник исчез под водой.

Добравшись до места, где он только что был виден, мы остановились и начали осматриваться. Вскоре чуть поодаль, в нескольких сотнях метров от нас, вынырнула еще пара

косаток, а затем и еще тройка недалеко от них. Медленно, чтобы не спугнуть животных, мы двинули в ту сторону. На этот раз нам повезло — к косаткам удалось подойти достаточно близко и сфотографировать их, прежде чем они исчезли в волнах. Тогда все они были для нас на одно лицо, но теперь мы знаем, что в первый день нам встретились семьи Гусли и Кармен — завсегдатаи Авачинского залива. В семье Гусли тогда было четыре косатки: самка Гусли, два самца и подросток, а в семье Кармен — три: взрослая самка (мама Кармен), подросток Кармен и ее младшая сестра.

Косатки шли чуть поодаль друг от друга, выныривая то тут, то там, так что и нам приходилось перемещаться туда-сюда от одной к другой. После нескольких подходов Александр Михайлович решил сделать перерыв, остановил лодку, и Хэл начала доставать гидрофон, чтобы записать подводные звуки. Я к тому времени уже считала себя матерым биоакустиком, так как успела защитить курсовую работу по звукам песцов и все лето записывала их, чтобы собрать материал для диплома. Подводные звуки косаток казались мне еще более увлекательными, так что я сразу же полезла помогать Хэл с оборудованием, что оказалось весьма кстати: одному человеку и фотографировать, и записывать звуки довольно неудобно, так что к концу нашей коротенькой экспедиции обязанность заниматься гидрофоном постепенно перешла ко мне. В тот первый раз нам не особенно повезло — мы записали всего лишь несколько далеких криков и при этом потеряли косаток, которые за время нашей остановки успели уйти и скрыться, так что даже наблюдатели с мыса не смогли их снова обнаружить. Но начало было положено.

В последующие дни мы снова и снова встречали косаток и учились взаимодействовать с ними. Никто из команды не имел опыта работы с этими животными в море. Вообще-то,

предполагалось, что основным специалистом по косаткам в экспедиции будет Хэл: еще при самой первой встрече Бурдин сообщил нам, что она работала с косатками в Британской Колумбии и поэтому будет нами руководить. Но получалось у нее как-то не очень, и впоследствии выяснилось, что весь опыт Хэл сводился к волонтерству в лаборатории Пола Спонга «Оркалаб», где ее функции ограничивались наблюдениями с берега и прослушиванием звуков со стационарных гидрофонов, установленных на дне моря в разных местах неподалеку от лаборатории. В море все выглядит совершенно иначе, да и условия работы здесь и даже поведение камчатских косаток существенно отличались от условий работы и поведения косаток в Канаде.

Первое время при работе с косатками меня не оставляла легкая паника, но не из-за присутствия огромных хищников, а из-за бешеного темпа работы. Лодка прыгает по волнам, на носу с огромным фотоаппаратом скачет Хэл, минутно рискуя вывалиться за борт, фотоаппарат щелкает сериями, так что 36 кадров пленки (да-да, мы снимали тогда на пленку!) улетает за несколько минут, и нужно вовремя подавать ей новые катушки, принимать отснятые, налеплять на них заранее подписанный стикер и заполнять форму, напечатанную на листе А4, которую то сдувает ветром, то заливает солеными брызгами.

До этой экспедиции косатки были для меня тем же, чем для большинства людей, — крупными, опасными и загадочными морскими хищниками. Но их особая, ни с чем не сравнимая харизма сразу меня покорила. В результате тема моего диплома внезапно поменялась со звуков песцов на звуки косаток, так что вместо одной Карины проект обзавелся аж двумя студентами, жаждущими обрабатывать небогатый по первому времени материал.

Его скудость, впрочем, с лихвой компенсировалась глубиной поставленных задач, поскольку косатки оказались настоящим кладезем научных проблем и загадок природы, а их изучение в российских водах ограничивалось случайными наблюдениями и описанием содержимого желудков. У проекта были большие перспективы, поэтому следующим летом мы снова отправились за девять часовых поясов на восток, к холодному серому морю, в те места, без которых нам уже сложно было представить свою жизнь. Но если в первый год мое участие в экспедиции было случайностью, то теперь у меня имелась четкая программа действий, вдохновленная штудированием статей.

СОРОКА ГОДАМИ РАНЕЕ

Косатки — самые удивительные животные из всех, что обитают сейчас на нашей планете.

РОБЕРТ ПИТМАН

В 1964 году канадский скульптор Сэмюэл Бюррич получил от Ванкуверского аквариума заказ убить косатку и слепить с нее модель в натуральную величину. Просидев пару месяцев на острове Сатурна, он дождался-таки момента, когда косатки подошли близко к берегу, и выстрелил в молодую особь из гарпунной пушки, ранив, но не убив ее. Два других кита немедленно поднырнули под оглушенного сородича, подталкивая его к поверхности, чтобы он мог дышать. Затем раненая косатка пришла в себя и стала пытаться освободиться. Она прыгала, била хвостом и издавала пронзительные крики. Скульптор спустил на воду небольшую лодку, чтобы завершить дело. Он несколько раз выстрелил в косатку из винтовки. Позднее он говорил репортерам, что «минимум два раза» попал в животное. Но косатка не умерла.

Вскоре из Ванкувера прибыл директор аквариума и решил взять косатку живой. За льня, привязанный к гарпуну, засевшему в его спине, животное отбуксировали в Ванкувер

и поместили в сетчатый вольер. Поначалу к ней относились как к опасному хищнику, но вскоре выяснилось, что это мирное и даже дружелюбное создание.

Долгое время Моби Долл, как ее назвали, ничего не ела. Ей предлагали всевозможные лакомства — от живого лосося до конского сердца, но косатка лишь кружила днем и ночью по бассейну в одном и том же направлении. На пятьдесят пятый день пребывания в неволе Моби Долл прервала свой пост, начав есть по 200 фунтов рыбы в день, и почти сразу стала более активной. Но она все еще не выглядела здоровой. Из-за низкой солености воды в гавани у нее развилась кожная болезнь, к тому же, казалось, она страдала от истощения. Через месяц после того, как косатка начала есть, она умерла.

Сообщение о смерти Моби Долл облетело газеты всего мира. Лондонская «Таймс» отвела под некролог две полосы. «Ридерз Дайджест», «Лайф» и многие другие издания также опубликовали статьи о смерти косатки. Вскрытие добавило к этой истории любопытный эпизод: Моби Долл оказалась Моби Диком — самцом, а не самкой.

Шумиха вокруг Моби положила начало изменениям в общественном мнении. Из опасных хищников косатки превратились в этаких морских панд, любимцев публики. Теперь вместо того, чтобы стрелять в них, их стали ловить для океанариумов. Менее чем за десять лет в водах Британской Колумбии было выловлено около пятидесяти косаток. Поначалу это никого не беспокоило — эксперты оценивали численность этих животных в несколько тысяч особей, поэтому казалось, что в отлове нескольких десятков нет ничего страшного. Но в начале 1970-х годов под давлением общественности Департамент морей и океанов решил наконец выяснить, сколько же косаток обитает в водах вокруг острова Ванкувер на самом деле.

Эта задача легла на плечи Майкла Бигга — руководителя лаборатории морских млекопитающих, который в то время занимался в основном тюленями. Он не очень представлял, как подойти к этой проблеме, и для начала решил просто посмотреть на объект поближе. Выйдя в море и встретив косаток, Майкл и его коллеги занялись тем, что делают в такой ситуации 99 процентов человечества, — фотографированием. Поначалу они снимали просто для себя, но, рассмотрев фотографии поближе, поняли, что узнают многих животных. Форма спинного плавника и находящегося за ним светло-серого седловидного пятна может сильно различаться у разных особей, как и многочисленные естественные метки — царапины и шрамы на коже и зарубки на заднем крае спинного плавника. Так родился метод фотоидентификации косаток.

Сама по себе идея узнавать животных по естественным меткам была не нова. Еще в 1930-х годах Конрад Лоренц различал своих серых гусей по особенностям окраски. Позже этот метод применяли для исследования зебр, жирафов и других крупных млекопитающих в Африке. Но на китах его стали использовать только в 1970-х годах — сначала на горбачах, которые вежливо показывают наблюдателям свои исключительно разнообразные черно-белые хвосты перед каждым глубоким погружением, и на гладких китах, головы которых покрыты характерными светлыми наростами. А задолго до ученых, еще в XIX веке, китобои Идена узнавали дружественных косаток по зарубкам на плавниках*. Но Майкл Бигг был первым, кто сумел систематизировать идентификацию косаток.

* Визуальной идентификацией дельфинов по естественным маркерам — окраске и шрамам на теле и плавниках — в нашей стране с середины 1970-х гг. занимались А. В. Яблоков и В. М. Белькович с соавторами. — *Прим. науч. ред.*

Чтобы как-то оценить численность вверенной ему популяции, он придумал такую методику: разослал 16 000 опросников рыбакам, маячникам и прочим людям, работавшим в водах и на побережье Британской Колумбии, чтобы они в один и тот же день — 26 июля 1971 года — зафиксировали все свои встречи с косатками. В результате оказалось, что косаток в этом регионе всего около 200–250 штук — значительно меньше, чем полагали прежде. Такие же переписи в последующие два года и работы по фотоидентификации подтвердили эту оценку. В 1976 году Бигг представил начальству свой отчет, в котором рекомендовал ограничить отлов ввиду малочисленности животных в регионе.

Отлов запретили, но одновременно с этим прекратилось финансирование работ по косаткам, и Биггу поручили вновь заниматься тюленями и морскими львами. Однако косатки так запали ему в душу, что он уже не мог остановиться и продолжал работы в свободное время на собственные средства (а иногда и в рабочее время на деньги, выделенные на исследования тюленей). На протяжении многих лет Майкл и его коллеги фиксировали даты рождения, смерти, объекты питания, социальные связи косаток. Благодаря его усилиям была собрана одна из самых подробных баз данных, а косатки Британской Колумбии до сих пор остаются самыми изученными в мире китообразными.

Одно из главных открытий, сделанных Биггом в ходе его исследований, — это существование двух разных экотипов. Раньше косаток традиционно считали безжалостными хищниками, пожирающими все живое на своем пути. Но Майкл и его коллеги выяснили, что на самом деле они очень разборчивы в еде. Чаще всего исследователям встречались рыбоядные косатки, предпочитавшие кормиться лососем. Они путешествовали большими дружными семьями, состав

которых оставался стабильным из года в год. Некоторые семьи появлялись в бухтах и проливах так регулярно, что их стали называть резидентными. Но время от времени ученые встречали в тех же районах совсем других косаток, которые непредсказуемо появлялись и исчезали, за что их прозвали транзитными.

Понадобилось несколько лет тщательных наблюдений, прежде чем выявилось ключевое различие между резидентными и транзитными косатками. Оказалось, что транзитники, в противоположность резидентам, — самые настоящие хищники, они питаются тюленями, дельфинами и даже нападают на крупных китов. Поначалу ученые решили, что транзитные косатки — это изгнанники из резидентных групп. Но впоследствии выяснилось, что они относятся к отдельному экологическому типу, который специализируется на питании морскими млекопитающими. Они различаются даже внешне — формой спинного плавника и седловидного пятна. У транзитных косаток спинной плавник более треугольный и заостренный, а у резидентных чаще серповидный и слегка закругленный на верхушке. У резидентных косаток седловидное пятно может быть разной формы, нередко с вырезами, которые у отдельных особей могут занимать большую часть пятна и порой имеют довольно причудливые очертания. У транзитных косаток седловидное пятно обычно цельное, без вырезов, и, как правило, более крупное, чем у резидентных.

Рыбоядные резиденты и плотоядные транзитники обитают в одних и тех же районах, но никогда не общаются. За несколько десятилетий работы с косатками в водах острова Ванкувер ученые ни разу не видели, чтобы косатки разных экотипов приближались друг к другу, более того, транзитники нередко явно избегали встречи с резидентами.

Генетический анализ подтвердил результаты наблюдений, показав, что в природе рыбадные и плотоядные косатки не скрещиваются.

Это неудивительно, поскольку косатки разных экотипов различаются не только пищевыми предпочтениями, но и поведением и структурой групп. Связано это прежде всего с особенностями жертв. Тюлени, дельфины и киты обладают хорошим слухом и развитым интеллектом, поэтому они могут по звукам издали обнаружить хищников. Чтобы этого не произошло, плотоядные транзитники чаще всего молчат и ходят небольшими малозаметными группами. А лосось — добыча рыбадных косаток — не слишком умен и не слышит высокочастотные звуки, поэтому резиденты могут общаться в свое удовольствие, не рискуя при этом остаться без обеда. В отличие от плотоядных косаток, ходить большими группами им даже выгодно — рассредоточившись по акватории, такая группа может прочесывать обширный район в поисках рыбьего косяка, а уж когда обнаружит его, пищи хватит на всех. Это позволяет образовывать большие семьи с уникальной социальной структурой.

Рыбадные резиденты — одни из немногих млекопитающих, у которых особи обоих полов всю жизнь остаются в той семье, в которой родились. Типичная семья — это старшая самка-бабушка, несколько ее сыновей и дочерей и дети дочерей. Нередко бабушка доживает и до появления правнуков, так как срок жизни косаток сопоставим с человеческим. Таким образом, взрослые самцы в группе — не «главы гарема», как считалось ранее, и даже не отцы присутствующих в ней детенышей, а их братья и дяди.

Самки рожают первенца в возрасте 10–15 лет, а следующих детенышей — с периодичностью примерно раз в пять

лет. В возрасте 40–45 лет самка перестает приносить потомство, но может прожить после этого еще лет 40, помогая дочерям и внукам воспитывать детей. Знания и опыт, накопленные бабушками за долгие годы жизни, способствуют благополучию всей семьи. Кроме того, старые самки приглядывают за своими взрослыми сыновьями. Самцы рыбаодных косаток — настоящие маменькины сынки, даже в пожилом возрасте они сохраняют тесную связь с матерью. Когда матриарх умирает, ее дочери продолжают жить, становясь во главе собственных матрилий, а вот сыновья нередко погибают либо, если повезет, присоединяются к семье одной из своих сестер.

Впрочем, не все косатки — примерные семьянины. Средний размер группы плотоядных транзитных косаток — три особи, поэтому они не могут позволить себе, как рыбаодные, всю жизнь оставаться с матерью. Остается обычно лишь старший сын, остальные уходят и живут одиночками, присоединяясь на несколько дней к той или иной группе. Самки остаются в семье до тех пор, пока не обзаведутся собственным детенышем, после чего уходят, чтобы основать новую группу.

Такие сильные различия и репродуктивная изоляция между обитающими в одном районе экотипами наводят на мысль, что рыбаодные и плотоядные косатки являются, в сущности, разными видами. Правда, в дельфинариях они могут скрещиваться, а точнее, те и другие скрещивались с косатками из Северной Атлантики. Но в неволе многие виды китообразных дают плодовые межвидовые и даже межродовые гибриды. Например, в дельфинарии на Гавайях уже более 25 лет живет «вольфин» — от англ. *whale* (кит) и *dolphin* (дельфин) — по имени Кекаималу, гибрид дельфина-афалины и малой косатки. В отличие от многих других

межвидовых гибридов, например мула — гибрида осла и лошади, Кекаималу оказалась плодовитой и родила троих детенышей от самцов-афалин^{*}.

Но самыми убедительными оказались генетические различия: как выяснилось, рыбаодные и плотоядные косатки Тихого океана разошлись друг с другом сотни тысяч лет назад. Вообще ситуация с косатками сейчас напоминает ситуацию с родом *Ното* (человек) около 50 000 лет назад: существует несколько разных форм, часть из которых пересекается и может гибридизировать. У человека это были кроманьонцы, неандертальцы, денисовцы, флоресские люди и, по-видимому, множество других. Косаточки «кроманьонцы» и «неандертальцы» — это тихоокеанские рыбаодные и плотоядные косатки, они даже в чем-то похожи: неандертальцы тоже были более хищными и жили небольшими группами. Как и косатки, кроманьонцы и неандертальцы на протяжении долгого времени обитали в одних и тех же районах и даже иногда скрещивались друг с другом (а порой попадали друг к другу на обед — тут уж как повезет)^{**}.

Кроме тихоокеанских экотипов, в мире существует еще несколько хорошо различимых разновидностей. Например, в Антарктике выделяют косаток типа «А», которые

* Подобного рода скрещивания у дельфиновых и нарваловых случаются даже в дикой природе, в тех случаях, когда разные виды образуют так называемые межвидовые агрегации. Другое дело, что два экотипа косаток демонстрируют яркий пример репродуктивной изоляции, ведущей к образованию разных видов. — *Прим. науч. ред.*

** Разумеется, этот пример касается представителей рода *Ното*, поскольку случаев поедания рыбаодными косатками (кроманьонцами — по классификации автора) плотоядных (неандертальцев) учеными зафиксировано не было. — *Прим. науч. ред.*

держатся поодаль от льдов и охотятся на китов, две ледовые формы — плотоядных охотников на тюленей и пингвинов типа «В» и рыбадных типа «С», а также субантарктический тип «D». Ледовые формы отличаются от всех прочих характерной окраской — они не черные, а серые, а друг от друга — формой и размером заглазничного пятна. Кроме того, косатки типа «С» очень мелкие, почти пигмеи по сравнению с другими. А косатки типа «D» имеют и вовсе необычную внешность — у них вздутая, как у гринды, голова и очень маленькое заглазничное пятно. С «нормальными» косатками они не общаются, даже когда воруют рыбу с ярусов одного и того же судна.

В Северной Атлантике ситуация еще более запутанная. Самая частая добыча норвежских и исландских косаток — это сельдь. Но некоторые группы, обычно мирно кормящиеся ею, периодически бывают замечены в охоте на тюленей и дельфинов. Похоже, здесь разделение по пищевым привычкам идет между разными группами, а не между популяциями, как в северной части Тихого океана и Антарктике. Интересно, что северотихоокеанские рыбадные резиденты оказались генетически ближе к атлантическим косаткам, чем к живущим бок о бок с ними плотоядным транзитникам. Многие специалисты склоняются к тому, чтобы официально признать их разными видами.